

Александр Лизунов



Александр Лизунов – родился в 1950 году в городе Бийске Алтайского края. Публиковался в «Альманахе библиофила», журналах: «Сибирские огни», «День и ночь», «Омская муза», «Москва» и других. Автор поэтических книг «Птицы над городом» (1985) и «Точка отсчёта» (1989) – Омское книжное издательство, «Эхо света» (2019, Ridero, Россия), «Угол атаки» (2020, КАН, Омск), «Солнечный ветер» (2021, Ridero, Россия); а также публицистически-философской прозы: «Между Большим Взрывом и Богом» (2018) – издательства Altaspera (Канада) и Ridero (Россия), «После Большого Взрыва. Бог и другие обвиняемые» (2019, Ridero, Россия), «Метафизика реальности, или Золотой ключик ДНК» (2020, Ridero, Россия).

ЧАСЫ СУДНОГО ДНЯ

Нашлись у службы Времени работники,
что в часовой механике секут,
вручную переводят эти ходики:
– Ну, сколько там до полночи секунд?
– Похоже, 90. Надо свериться!

Но вовсе и не думая о том,
шар голубой всё крутится да вертится, –
довертится вот-вот, как Фэтон.
А люди что? – Они живут по-старому,
по континентам мечутся с утра,
где ставки повышаются на аурум,
но больше – на плутоний и уран.
И Джорджии скрижали не обманчивы,
и не фальшив невинных грет экстаз:
спасайте хомячков и одуванчики
от ното, что страшнее всех зараз.
Скопила Кали-юга столько нечисти!
Но вышний озадачится совбез:
нужда ли век наш отрезать от Вечности,
коль времени и так ему в обрез?
...Кто пялит там глаза свои опухшие
на стрелки, что нацелены в зенит,
а кто будильник придавил подушкой
и дальше спит – пускай себе звенит.

ЭТО ДРУГОЕ

Выйти сухим из воды – нет проблем,
если у вас под рукою
неотразимый сегодняшний мем
«Это – другое».
Очередную сгубили страну,

кровь её стала дешевле горилки.
Но повторяют они, не моргнув,
те же дурилки.
Слов ваших блёстки не стоят и грош,
пактов и клятв намеренье благое.
– Что вы, политика наша – не ложь,
это – другое.
Вот уже радужных геев парад
вытеснил с улицы горстку изгоев.
Мерзкая мода, морали распад?
Это – другое!
Что же касается прочих, чей глаз
плохо стал видеть и ухо тугое, –
время пришло, чтобы вылечить вас.
Это. Другое.

АХ, САНКЦИИ!

Свободно вздохнёт наконец-то без русского газа
Старушка Европа, а также без нефти и леса.
– Пускай мы помёрзнем, но главное,
будет наказан
Грозящий свободному миру кровавый агрессор.
И эта война с ним сегодня уже не игрушки,
Мы сам русский дух уничтожим, чтоб даже
Не вспомнил никто у нас, кто такой Пушкин,
Чайковского с Первым концертом
отправим туда же.
– Ну что ж, господа, коль дошло
до такого распила,
Оставьте в бессрочном и полном владении
Раши
Не поддержавшего ценности ваши Шекспира,
С Бетховеном вместе, поскольку давно
они наши.

СЛАВЯНСКАЯ ПЕСНЯ

На заре за речкой быстрой,
на лесной поляне
мирно спят артиллеристы
рядом с косярами.

А на этой же опушке,
где страда, война ли,
не даёт усталой пушке
спать коса стальная.

Приклонившись у лафета,
жалуется горько:
сто стогов за это лето
я скосила с горкой.

Мучусь болью и тоскою –
сколько трав душистых,
иван-чайных, васильковых,
я лишила жизни.

Глухо молвит гаубица –
чтоб не слышал ротный:
Я способнее убийца,
цвет кошу народный.

Видишь, на поле печальном
рядом – что не легче –
пал Иван, уже не чайн
Васильком полегшим.

МАДОННА МАРИУПОЛЯ

– Усни, мой сыночек, закрой свои глазки, дитя,
Спою колыбельную и убаюкаю ты.
В холодном подвале мы, кажется, тысячу лет,
Где ветхим, наверное, стал даже Новый Завет.
Осталось одно откровение: не колыбель,
А ящик снарядный и грязная ветошь-постель.
О вышних знаменях нам не узнать в темноте,
Сама нарисую звезду на бетонной плите,
Пусть вспыхнет она и лучами пронзит потолок,
Чтоб свет её к цели дойти каравану помог,
Сигнальным огнём в катакомбах успел показать
Проходы к вертепу, в котором младенец и мать.
Дары принесёт – но не тройка волхвов

в этот раз –

А в пыльных своих вещмешках
бородатый спецназ,
Но в тыл сообщит медсестра,
подключившись к сети:

– Мать выживет, ну а дитя не спасти...
...К рассветному Солнцу уходит Мария одна,
Холодное тельце к груди прижимает она
И как искупленье проносит сиянье своё
Сквозь весь этот город, что именем назван её.

ЧЁРНЫЙ ДРОН

Что ты вьёшься, чёрный коптер,
Над моею головой?
Ты вверху, а я в окопе
Рядовой передовой.

У тебя в когтях граната,
Зорок твой стеклянный глаз,
Но не радуйся, не надо,
Что в прицеле я сейчас!

С воронёной чёрной силой
Мы воюем искони,
Знает только Русь-Россия,
Кто всегда её хранит.

Вести горестные с фронта
Не прочтут жена и дочь –
Ты не ворон, только дрон ты,
Так что смерть мне не пророчь.

Перекрестье. «Сброс», – команда.
Взрыв вот-вот, уже чуть-чуть...
Но опять твою гранату
Я успею отшвырнуть.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

То дождь, то снег, раскисший чернозём,
и мы с братвою по нему ползём.
Чем враг ожесточённее и злей,
тем ближе мы сейчас к родной земле.
Закон войны – он для солдата прост:
сперва ползком, а дальше – в полный рост,
в атаку на окопы, блиндажи,
передний край, где насмерть бьётся жизнь,
где русские, куда ни поверни,
Ивановки да Марьинки одни.
Деды сражались здесь, не их вина,
что снова на Донбасс пришла война,
и на чужой броне теперь и ты
встречаешь те же самые кресты.
Но взводный наш изрёк:
– Спокойно, брат,
горит не хуже «тигра» «леопард».
Пусть хвастают: железо НАТО – круть! –
отправим и его в последний путь...
То дождь, то снег, и передышки нет,
но есть Победы флаг и символ «зэт», –
латыни раньше, мир не разделя,
он значил в русской Буквице «земля»!